

М. С. Искендерова

**ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ
В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Исследование истории Южного Кавказа, в т. ч. Северного Азербайджана, в XVIII – нач. XIX вв. позволяет раскрыть колониаторскую сущность политики России в этом регионе. Сам факт завоевания Южного Кавказа Россией был обоснован геополитической и геостратегической значимостью этого края. Методы реализации колониальной политики царизма на Южном Кавказе в XVIII–XIX вв. требуют тщательного и объективного изучения как в южнокавказской, так и в российской историографии. Несмотря на то, что в постсоветский период масштабы исследований Южного Кавказа в России отстают от советской эпохи, вместе с тем отдельные проблемы истории Южного Кавказа XVIII – начала XIX вв., в том числе и избранная нами тема, вошли в круг научных интересов ряда видных представителей российской историографии. Необходимость и актуальность историографического анализа их трудов вытекает из отсутствия специального и комплексного историографического исследования с объективной оценкой новых подходов к ряду вопросов политики России на Южном Кавказе. Правда, изучаемая проблема рассматривалась исследователями в контексте русско-кавказских отношений. Кроме того, выбор указанных хронологических рамок также неслучаен. Период XVIII – начала XIX вв. является важным переломным рубежом в истории и России, и Южного Кавказа, поскольку активизация время от времени политики России в данном регионе, завершившаяся осуществлением задуманных гегемонистских целей, повлияла на изменение в южнокавказском регионе как политической, так и исторической ситуации.

Одним из авторов, перед которым стояла задача раскрыть сущность “политического соперничества... и международного противоборства” на Кавказе, является В. Дегоев. Он, признавая заслуги учёных советского периода, вместе с тем не отрицает доминирование в советской историографии идеологизированных подходов, отразившихся в монографиях в утверждениях о

“братском боевом содружестве”, “прогрессивном значении и последствиях добровольного присоединения (вхождения) Кавказа к России” и т. д. [Дегоев 2001, 7].

Говоря о проводимой Россией до 1783 г. политике “балансирования”, предполагавшей обнадёживание одних, подкуп других, устрашение третьих, подчёркивая приоритетность крымского вопроса в её восточной политике, В. Дегоев утверждает, что Россия не собиралась окончательно самоустраниться от южнокавказской проблемы [Дегоев 2001, 24].

В работе демонстрируется гибкость политики России. В частности, при раскладке русско-грузинских отношений в рассматриваемый период определяются факторы, выставляемые в противовес экспансионистской политике Ираклия II, среди которых лояльное отношение (до 1783 года) России к Ирану и Фаталихану Губинскому, стремление России создать на территории Иреванского, Нахчыванского и Гарабагского ханств¹ христианскую Армению, нежелание России нарушать Кучук-Кайнарджийский договор (1774 г.)².

Как видно, гибкость политики России подтверждается и на примере действий российских правящих кругов в отношении азербайджанских правителей в регионе, поддержкой или нейтралитетом которых стремилась заручиться, в частности, Екатерина II [Дегоев 2001, 29].

Вместе с тем, чётко и верно преподносится главная цель российского правительства на Южном Кавказе, стремившегося не допустить преобладания в данном регионе “ни одного из соперников, будь то христианин и русский союзник Ираклий или мусульманские правители Фатали-хан, Ибрагим-хан или кто-либо ещё” [Дегоев 2001, 30].

Учитывая мнение советских и версии западных учёных при освещении политики России на Южном Кавказе накануне и в

---

¹ Эти территории Ираклий II предполагал включить в состав “Великой Грузии”.

² Данный договор завершил русско-турецкую войну 1768–1774 гг. По этому договору Имеретия и другие княжества Западной Грузии оставались в ведении Турции. Имеется в виду после подписания между Россией и Турцией Стамбульского договора в 1724 г., по условиям которого прикаспийские земли отошли к России.

период русско-турецкой войны (1787–1791 гг.), автор говорит об изощренных методах внедрения политики умиротворения в данном регионе. Именно признание немаловажной роли факторов, осложнявших её осуществление, а в качестве таковых были представлены экспансионистские цели Ираклия II и Фатали-хана Губинского, и объясняет, по мнению автора, неготовность России в 80-х гг. XVIII в. к преждевременному активному вмешательству в дела Южного Кавказа [Дегоев 2001, 32–35]. Поэтому автор аргументировано объясняет, что положение *status quo* в указанном регионе сохранялось благодаря “ажурной паутине международных отношений по поводу Кавказа и на Кавказе, создававшей определённое равновесие” [Дегоев 2001, 37, 40].

Здесь уместно было бы дать подтверждение вышесказанному, раскрыв позицию исследователя азербайджано-русских отношений данного периода Т. Т. Мустафазаде, также констатирующего умеренность политики России в середине 70–80-х годах [Mustafazadə 2013, 111].

Вместе с тем, Т. Т. Мустафазаде определяет как первоочередную задачу политики России на Южном Кавказе в указанный период взятие под покровительство Картли-Кахетинского царства и создание ещё одного христианского – армянского государства [Mustafazadə 2013, 141].

В целом, Т. Т. Мустафазаде приходит к важному выводу о том, что одним из методов осуществления экспансионистской политики России в XVIII–XIX вв. является создание на интересующей её территории зависимой государственной структуры, с последующим её полным присоединением к России [Mustafazadə 2013, 142].

Значительный интерес в работе В. Дегоева вызывают и отношения России с Ага Мухаммедом Гаджаром, с именем которого связываются изменения вышеуказанного сбалансированного положения в регионе и столкновение интересов. При этом даётся чёткая характеристика “двойственной” и даже “тройственной” политики России, не отличавшейся ни цельностью, ни согласованностью [Дегоев 2001, 42]. Ярким подтверждением служит вывод автора о нарушении русским правительством одного из своих главных обязательств по Георгиевскому трактату 1783 г. –

защищать Грузию. Автор убеждается в несовместимости выполнения условий протектората с интересами самой России [Дегоев 2001, 45].

Вызывает интерес следующее высказывание автора: “Если политика Ага Мухаммед-хана поддается объяснению сравнительно легко, то о России этого не скажешь” [Дегоев 2001, 44].

Двойственную политику России констатирует и уже упоминаемый ранее историк Т. Т. Мустафазаде, который, разобрав различные версии по поводу действий России в период похода Ага Мухаммеда Гаджара, представил своё суждение о сознательном безразличии российского правительства к приготовлениям Ага Мухаммеда к походу в Азербайджан и подвластную России Грузию, чтобы в дальнейшем использовать гаджарскую угрозу в качестве повода для осуществления своих захватнических планов в данном регионе [Mustafazade 2013, 198].

Следует отметить, что в ряде работ, где получил освещение вопрос об изменении политики России с вступлением на престол Екатерины II, красной нитью проходит мысль о продолжении Екатериной II политики Петра I.

Подтверждением служат как указанные В. Дегоевым цели военной экспедиции В. Зубова на Южный Кавказ в 1796 г., представленной в качестве реакции на нанесение урона политическому престижу России на Кавказе в ходе нашествия Ага Мухаммеда Гаджара, так и методы осуществления гибкой и маневренной политики России [Дегоев 2001, 46].

В свою очередь в работе военного историка А. Шишова освещение событий конца XVIII в. не раз сопровождается подменой захватнической политики России на Южном Кавказе её якобы освободительной миссией. Неслучайно, отправление Екатериной II русских войск во главе с В. Зубовым на Южный Кавказ в 1796 г. рассматривается как добросовестное выполнение ею своих обязательств по Георгиевскому трактату [Шишов 2005, 114]. Правда, игнорируется факт вторжения войск во главе с В. Зубовым на территорию азербайджанских ханств, хотя они не угрожали Картли-Кахетии.

Необъективную позицию авторов можно увидеть и в ряде работ при описании событий процесса завоевания Россией Южного Кавказа в начале XIX в. Так, отбросив решающее значение

религиозного фактора, В. Дегоев предпринял попытку обосновать необходимость и неизбежность издания манифеста Александра I (с 1801 г.) о присоединении Картли-Кахетии к России [Дегоев 2001, 50]. Тем самым, по мнению автора, была предпринята попытка оправдать присоединение Грузии и предотвратить возможность снижения влияния России в южнокавказском регионе с потерей Грузии.

В коллективной монографии “История Дагестана с древнейших времён до наших дней” при рассмотрении данного вопроса сталкиваешься с тенденциозным изложением русско-кавказских отношений, характерных для советского этапа развития исторической науки. Так, говоря о Манифесте Александра I о вхождении Грузии в состав России (1801 г.), авторы приходят к выводу о завершении процесса добровольного присоединения Грузии к России [История Дагестана... 2005, 454]. Представив действия и цели России в южнокавказском регионе исключительно благородными, особо подчёркивается значимость этого события “не только для судеб грузинского народа, но и для всего Кавказа” [История Дагестана... 2005, 454]. Естественно, при такой субъективной оценке игнорируется известный факт вхождения в Россию находящихся в составе Грузии азербайджанских земель – Газахского, Шамшадильского, Борчалинского султанств, что положило начало процессу захвата Азербайджана и Дагестана со стороны России.

Вместе с тем, очерк В. Дегоева представляет собой попытку переосмыслить традиционные подходы к вопросу о международной борьбе за господство на Южном Кавказе в конце XVIII века, поэтому было бы уместно дать умозаключение автора по поводу гибкой и изощренной политики России в указанном регионе: «Петербург научился умело и терпеливо маневрировать на закавказской “шахматной доске”, разобщая своих противников и завоёвывая союзников... Путём искусного балансирования на противоречиях своих “врагов” и лавирования между интересами своих “друзей” Россия попросту переиграла и тех, и других... Осознание Ираном и Турцией этого печального для них факта вылилось в реваншистские войны первой трети XIX века, приведшие к полному вытеснению их из Закавказья» [Дегоев 2001, 51–52].

Интересные и важные размышления по поводу политики России на Южном Кавказе в изучаемый период можно встретить в работе Я. Гордина, посвящённой истории кавказской войны XIX века [Гордин 2000]. Данная здесь характеристика прикаспийского похода Петра I примечательна тем, что автор сравнивает его с ранними набегами русских. По его мнению, в отличие от последних, прикаспийский поход Петра I явился составляющей “обширной и последовательной, хотя и вполне утопичной, завоевательной программы” [Гордин 2000, 42].

В работе подчёркивается важность обращения к вопросу о планах Петра I в южнокавказском регионе, так как существует связь между стремлением России продвинуться в Индию через Каспий и политикой России на Кавказе [Гордин 2000, 42]. Более того, насущность проблемы отражена в суждении автора о превращении её “из периферийной военно-дипломатической проблемы в актуальную задачу, без решения которой невозможно было закрепить будущие завоевания” [Гордин 2000, 43].

Прикаспийский поход Петра I рассмотрен, в частности, в уже указанной “Истории Дагестана...”, где чётко определены повод и причины данного похода российских войск, аргументированно определяется его цель. Говоря об опасениях России по поводу укрепления какого-либо государства, в частности – Турции в кавказском регионе, авторы верно исходят, прежде всего, из экономической и политической роли Кавказа в далекоидущих планах Петра I [История Дагестана... 2005, 420, 421–422].

А в работе “Северный Кавказ в составе Российской империи” раскрываются не только факторы, обусловившие начало похода Петра I в Прикаспий, но и события, содействовавшие успеху данного мероприятия, среди которых кризис Сефевидского государства, восстания против Сефевидов [Северный Кавказ... 2007, 38–39].

Рассматривая заявленные в Манифесте Петра I повод и цели России, авторы данной монографии стоят на идентичных позициях с большинством историков, считавших известные шемахинские события толчком к началу этой кампании [Северный Кавказ... 2007, 39].

Попытку обосновать необходимость прикаспийского завоевания можно встретить в работах Н. Сотавова и А. Шишова

[Сотавов 2000, 65; Шишов 2005, 58–80]. При описании событий данного похода на фоне русско-османского соперничества Н. Сотавов называет российскую политику покровительственной, а турецкую – принудительной [Сотавов 2000, 73], хотя он признаёт захватническими действия и России, и Турции, стремившихся в годы разграничения “присовокупить к своим владениям отдельные территории и народности этого края” [Сотавов 2000, 78].

Более того, указанные авторы оправдывают захватнические действия России тягой кавказского населения к ней. Наряду с многочисленностью, оперативностью российских мер, дисциплинированностью русских войск, по мнению этих историков, усиление пророссийской ориентации народов Кавказа обеспечило успешное продвижение русской армии [Сотавов 2000, 65–66; Шишов 2005, 80–81]. Хотя А. Шишов в подтверждение приводит обращения к российскому правительству лишь представителей христианского населения, в частности – армян и грузин [Шишов 2005, 92–94]. Вместе с тем, говоря об оккупации Россией в результате прикаспийского похода восточных земель Южного Кавказа, автор приходит к справедливому выводу, что “покорение прикаспийского Кавказа ещё не означало утверждения здесь российской власти” [Шишов 2005, 90]. Далее следует рассмотрение причин возвращения прикаспийских земель Ирану, среди которых особо отмечается отсутствие равных Петру I государственных деятелей среди его преемников, тяжесть содержания этих земель и т. д. [Шишов 2005, 102–103, 106].

Хотя в работе Н. Сотавова подписание Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров, согласно условиям которых Россия вывела свои войска из Азербайджана и Дагестана, преподносится как проявление дальновидности политики России, опасавшейся ирано-турецкого сближения [Сотавов 2000, 89, 102], автор твёрдо уверен, что причинами непрочности завоеваний России на Кавказе в 20-х годах XVIII века являлись двойственность, непоследовательность и противоречивость её политики в этом регионе. Н. Сотавов оценивает действия Надир-хана как жёсткие и экспансионистские, а политику царского правительства считает осторожной, гибкой и взвешенной. Такой субъективный подход, наряду с прочим, объясняется ещё и тем, что Дагестан находится в составе Российской Федерации; отсюда – и

сглаживающие оттенки вышеуказанной, так называемой “умеренной” политики России.

В свою очередь, в работах “История Дагестана...” и “Северный Кавказ...”, наряду с констатацией причин подписания Рештского и Гянджинского договоров, звучит твёрдый вывод о вышеотмеченном походе русских войск как о “небезрезультатном предприятии” [История Дагестана... 2005, 429–430; Северный Кавказ... 2007, 40].

Интересными и откровенными являются рассуждения Я. Гордина о роли и месте Кавказа в широкомасштабной восточной политике России. В частности, Я. Гордин, дав оценку этой целенаправленной политике России и методам её реализации, выражает уверенность в том, что “с петровского времени и до конца XVIII в. в России складывалась имперская государственная доктрина, не допускавшая партнёрства с низшими, предполагавшая абсолютное включение новых народов и территорий в цельную систему” [Гордин 2000, 44].

В целом, Я. Гордин даёт объективную и чёткую формулировку сути российской экспансии, “рожденной в петровский период и бурно возродившейся в екатерининский”, “мощная инерция которой толкала их (русских генералов. – М. И.) к испытанной методе тотального подавления” [Гордин 2000, 54].

В работе Я. Гордина красной нитью проходит мысль о том, что Россия рассматривала Грузию и, в целом, Кавказ “исключительно как базу для продвижения в Персию и далее” [Гордин 2000, 46, 47].

Созвучно вышеизложенному и мнение авторов упоминаемой работы “Северный Кавказ...”, которые не раз подчёркивают, что “овладение прикаспийскими землями в Дагестане и Азербайджане рассматривалось правительством Петра I только как шаг к продвижению России в Центральную Азию”. Отрицая целенаправленное стремление России к приобретению новых владений на Кавказе, они считают основной целью кавказской политики царизма установление постоянных торговых связей с независимыми от Османской империи странами мусульманского Востока [Северный Кавказ... 2007, 38].

Акцент на планы и расчёты Петра I “о перенесении мировой торговли шелком с константинопольского пути на Астрахань,

ставшую к тому времени для Петербурга отправным пунктом различных военных и дипломатических предприятий на Востоке”, позволяет объективно увидеть главную цель России – достичь посредничества в международной торговле [Северный Кавказ... 2007, 35].

Издание книги “Присоединение Кавказа к России. XIX век” связано с продолжением публикаций по истории утверждения господства России на Кавказе, начатых в книге “Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича” [Присоединение Кавказа... 2005]. Как пишут составители книги А. Г. Макаров и С. Э. Макарова, в основу её были положены главы известного труда русского историка и кавказоведа XIX века В. А. Потто “Кавказская война”. Автор данной статьи не преследует цели дать историографическую оценку источника XIX века, каким является названная работа В. Потто. Вместе с тем отметим, что сам по себе факт представления читателю её отдельных глав без необходимых объективных комментариев и рассуждений говорит о схожести позиции составителей с отношением военного историка В. Потто к освещаемым вопросам. Кроме того, подтверждением служит и разбираемое нами ниже вступительное слово составителей книги.

Подводя итог двухвековому сосуществованию России с кавказскими народами, авторы приписывают России заслугу сохранения этнического состава народов Кавказа, и даже многократного увеличения численности населения в этом регионе. Наблюдается идентичность их позиции с великодержавной позицией историков XIX века при возвышении роли России в судьбе кавказских народов. Иначе, откуда такая уверенность в том, что “именно Россия, сначала – императорская, а позднее – советская, способствовала проникновению современной цивилизации и культуры в самые далёкие и глухие уголки равнин и ущелий Кавказа и в то же время дала возможность этим народам сохранить собственное национальное, духовное и культурное наследие, открыв возможность дальнейшего развития и достойного положения в мире” [Присоединение Кавказа... 2005, 6].

Освещая историю утверждения России на Кавказе, составители грешат субъективностью и отсутствием глубокого критического анализа. Названные факторы, односторонность и тенденциозность при изложении событий приводит составителей к

игнорированию переселенческой политики царизма, в результате которой увеличилось число армян на территории Северного Азербайджана. Они обошли молчанием факты ликвидации Россией государственности азербайджанского народа, бесцеремонного раздела его между Россией и Ираном, и т. д.

Как и большинство русских историков советской эпохи, на протяжении всей работы и упоминаемый ранее А. Шишов расценивает российскую агрессию на Южном Кавказе как историческую необходимость [Шишов 2005, 128–132].

Отсюда и сомнения автора по поводу реальности выдвинутых версий о походе В. Зубова как начале претворения захватнических планов в данном регионе, завершённых Россией в начале XIX века. А. Шишов утверждает, что народы Кавказа сами искали защиты в лице России [Шишов 2005, 143–144]. Впрочем, это не мешает автору прийти к уверенному выводу о том, что “...у великой по размаху внешнеполитических деяний Екатерины II были действительно великие замыслы по расширению пределов Российской державы” [Шишов 2005, 144]. Таким образом, перед нами типичная позиция, созвучная взглядам “великодержавных” русских историков.

В связи с этим, нелишне будет привести отличавшуюся новым подходом к указанному вопросу книгу историка Г. Мамедовой, специально посвящённую походу русских войск во главе с В. Зубовым. В ней Г. Мамедова даёт твёрдую оценочную установку колониальной сущности политики русского царизма в отношении южнокавказского региона в изучаемый период. Анализ тактики кабинета Екатерины II приводит к заключению, что “Россия не скрывала свои захватнические планы в отношении прикаспийских областей и Северного Азербайджана, считая их сферой своего влияния, и стремилась вдобавок чужими руками ослабить Турцию” [Мамедова 2003, 10]. Проследив за процессом подготовки и принятия кабинетом министров плана захватнических действий России на Южном Кавказе, Г. Мамедова рассматривает планы российского правительства относительно устройства азербайджанских земель как очередное доказательство захватнического характера похода В. Зубова и всей восточной политики [Мамедова 2003, 40–41, 58].

Оставаясь последовательно необъективным при описании событий процесса завоевания Россией Грузии и североазербайджанских ханств в начале XIX века, А. Шишов сводит суть политики России в данном регионе к мнимому совпадению интересов южнокавказских народов со стремлением самой России “к присоединению земель Кавказа, как опорного стратегического плацдарма с побережьями сразу двух морей” [Шишов 2005, 153].

Неудивительно, что А. Шишов, как и ранее упоминаемый Я. Гордин, превозносит деятельность такого жесткого и решительного колонизатора, каким являлся Цицианов [Шишов 2005, 160–169, 220–226].

Интересной является в этом вопросе позиция авторов коллективной монографии “Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века”. Они убеждены, что именно раздоры между правителями в регионе придавали Цицианову уверенность в том, что “с помощью российской армии он в короткое время подчинит весь Кавказ” [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 73].

Хотя признание “непоследовательной, зачастую противоречивой и путаной” политики Александра I на Кавказе позволило объективно охарактеризовать действия царских наместников в регионе, исходивших “из собственных представлений о благе державы и целесообразности применения тех или иных методов колониальной политики”, вместе с тем, авторы справедливо видят в стремлении утвердить российское господство на Кавказе общее предназначение и императора, и его кавказских наместников [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 78–79].

Естественно, пророссийская позиция ряда авторов наглядно демонстрируется как при описании каждого участка военных действий русских войск в период первой (1804–1813 гг.) и второй (1826–1828 гг.) русско-иранских войн [Шишов 2005, 171–172, 174–175, 176–177, и др.], так и при изложении всех перипетий подписания Гюлистанского (1813 г.) и Туркменчайского (1828 г.) мирных договоров, явившихся итогом этих войн и всего завоевательного процесса России [История Дагестана... 2005, 467, 487–491; Шишов 2005, 291–194].

Подход авторов к оценке этих договоров и их выводы в очередной раз показывают, что в целом присутствие советской исто-

риографии тенденциозность и за идеологизированность в изучаемых вопросах политики России в кавказском регионе остались без изменений.

Рассматривая экспансионистские действия России как необходимый итог её исторического развития и военной мощи, А. Шишов умалчивает о колонизаторской сущности политики России в данном регионе, тогда как именно колонизация этих земель и являлась целью описываемых побед русского оружия, которые, как пишет А. Шишов, “на поле брани далеко не всегда достигались малой кровью” [Шишов 2005, 3].

В свою очередь в работе “История Дагестана...” Гюлистанский и Туркменчайский договоры расцениваются как закономерное завершение давно начатого процесса присоединения южнокавказских и дагестанских владений к России, а указанные войны искаженно даны как объективно освободительные для Кавказа [История Дагестана 2005, 467, 470, 487–491].

В связи с рассматриваемыми вопросами, интерес вызывает и работа А. Цуциева “Атлас этнополитической истории Кавказа”. В частности, в ней представлена карта российских завоеваний на Южном Кавказе в изучаемый период. Умолчав об экспансионистском характере политики России в регионе, автор утверждает, что значительная часть тюркско-мусульманского населения в бывших ханствах оставалась лояльной к Российской империи [Цуциев 2007, 18]. А комментируя итог военной экспансии России на Южный Кавказ, А. Цуциев ограничивается констатацией условий Гюлистанского договора в отношении Азербайджана, согласно которым разделился “тюркский этнический ареал Азербайджана новой имперской границей, прочерченной по границам самих тюркских ханств” [Цуциев 2007, 14]. При этом, то обстоятельство, что Гюлистанский договор стал трагедией для азербайджанского народа, остаётся вне поля зрения автора.

Если авторы упоминаемой ранее коллективной монографии “Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в.” повторяют ошибку предшествующих историков советской эпохи, представляя территорию Иреванского и Нахчыванского ханств Восточной Арменией, оставшейся незавоёванной и не присоединенной к России в результате русско-иранской войны (1804–1813 гг.), то А. Шишов и А. Цуциев обращают внимание на

вопрос об образовании Армянской области вместо упразднённых Иреванского и Нахчыванского ханств [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 116; Цуциев 2007, 18; Шишов 2005, 291–294].

Более того, А. Цуциев затрагивает вопрос об эмиграции части мусульманского населения из региона в результате русских завоеваний и “пополнении его армянского населения выходцами из Ирана и Турции” [Цуциев 2007, 18].

Вышесказанное является ярким подтверждением особого благоволительного отношения России к армянам и использования их в качестве выгодного орудия своей колониальной политики в южнокавказском регионе. Отсюда, справедливым и объективным является следующее заключение А. Цуциева о том, что “грузинское и армянское население активно способствует присоединению Закавказья к России, интегрируясь своей элитой в её военно-сословные и хозяйственно-экономические структуры и становясь существенной социальной опорой российского государства в регионе” [Цуциев 2007, 18].

В отличие от вышеназванных авторов, в упоминаемой коллективной монографии “Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века”, раскрывая все перипетии, связанные с осложнением международной обстановки в ходе русско-иранской войны (1804–1813 гг.) и подписанием завершившего её Гюлистанского договора, акцентируется недовольство России условиями этого договора [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 102–103, 116].

В целом, подлинную суть кавказской политики России раскрывает данная ей чёткая и откровенная оценка. Авторы подчёркивают: «У России в её кавказской, восточной политике наблюдалась какая-то цепь трагических “необходимостей”. Геополитические, торгово-экономические, военно-стратегические интересы России требовали выхода к Чёрному и Каспийскому морям, овладения Закавказьем» [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 85].

Показав контраст имперской политики до и после Гюлистанского договора 1813 г., авторы данной монографии справедливо различают, что если в Кабарде и Чечне в 1806–1807 гг. царизм идёт на определённые уступки, то на Южном Кавказе и в Дагестане активизируется деятельность царизма по установлению

здесь своего господства. Более того, они дают ясную картину колониального режима русского царизма в указанном регионе, первыми признаками которого явились налоги с местного населения и прямое управление метрополии [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 140].

Изменение же политики России в регионе после 1813 г. верно объясняется как прочностью утверждения её на Южном Кавказе, так и потерей Дагестаном роли политического буфера между Россией и восточными государствами; он стал как бы “внутренней” территорией империи [Гапуров, Абдурахманов, Израйилов 2008, 141].

Подытоживая изложенное, можно отметить, что определив место Кавказа – в целом, Южного Кавказа – в частности, в колониальной политике России, современные историки констатировали наличие гегемонистских замыслов в российских правящих кругах, обоснованно пытались осветить разношерстные методы реализации тонкой и дальновидной политики России, объективно изучить её направления в данном регионе.

Признав заслуги и отметив недостатки советской историографии, хотелось бы отметить, что в рассмотренных выше трудах современных исследователей обнаруживаются новые подходы к ряду вопросов данной темы. Совершенно однозначно, что идеологические постулаты учёных советского периода влекли за собой тенденциозную и одностороннюю оценку колониальной политики царизма на Кавказе, в т. ч. и на Южном Кавказе. Современные авторы, как правило, выясняют мотивы осторожности и причины активизации России в определённые периоды рассматриваемой эпохи, одновременно демонстрируя преемственность политики царизма. Говоря о реализации политики России в южнокавказском регионе, авторы рассматривают их в контексте её взаимоотношений с южнокавказскими народами.

Вместе с тем, авторы некоторых трудов постсоветского периода продолжают исходить из тезиса об исторической предопределённости завоевания Кавказа, в том числе и Южного Кавказа, о прогрессивной миссии России для кавказских народов. Тем самым они не всегда могли согласовать конкретную политическую ситуацию на Южном Кавказе в указанный период с интересами России в данном регионе. Такой подход затушевывал и даже

отвергал активность кавказской политики России и её политические и стратегические цели, хотя позиция большинства авторов склоняется в пользу доминирования в политике России её собственных интересов на Южном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М. **Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века.** Нальчик, 2008.

Гордин Я. **Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века.** Санкт-Петербург, 2000.

Дегоев В. **Большая игра на Кавказе: история и современность.** Москва, 2001.

История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Т. I. Москва, 2005.

Мамедова Г. **О походе В. Зубова в Азербайджан (1796 г.).** Баку, 2003.

Присоединение Кавказа к России. XIX век / Сост. А. Г. Макаров и С. Э. Макарова. Санкт-Петербург, 2005.

Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва, 2007.

Сотавов Н. А. **Крах “Грозы Вселенной”.** Махачкала, 2000.

Цуциев А. **Атлас экономической истории Кавказа (1774–2004 гг.).** Москва, 2007.

Шишов Н. В. **Схватка за Кавказ (XVI–XX вв.).** Москва, 2005.

Mustafazadə Tofig. **Azərbaycan-Rusiya münasibətləri (XVIII əsrin ikinci yarısı – XIX əsrin əvvəllərində).** Bakı, 2013.